

УДК 808.1;82.08; 821(091)

Л. В. Скибицкая

канд. филол. наук, доц., зав. каф. русской литературы и журналистики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: silvax@tut.by

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI в.

Публицистический дискурс атрибутирован как коммуникативная технология художественной словесности. Выявлено, что этапы активизации публицистичности в литературном процессе соотносятся с моментами историко-культурных «сдвигов». Доказано, что современная эпоха в словесном искусстве принадлежит к тем культурным периодам, которые апеллируют к публицистичности как способу освоения мира и установления коммуникации с читателем. Проанализирован корпус произведений белорусской прозы, на форму и содержание которых повлияла публицистичность.

Введение

Коммуникативные стратегии и практики словесности – один из актуальных вопросов в «повестке дня» современной науки. В работах С. Л. Страшнова [1], А. Сидоровой [2], В. Л. Шуникова [3], Е. Н. Брызгаловой [4], С. Дацюка [5] и других осмысливаются разнообразные грани коммуникативного «бытия» художественной литературы.

Литература на протяжении истории своего существования ищет как «новые формы» (А. П. Чехов) отражения действительности, так и новые способы взаимодействия с адресатом. Периоды культурных сдвигов, к которым относится и наше время, связаны не столько с образным постижением реалий и фактов жизни, сколько с необходимостью находить и манифестировать ценностные ориентиры для общества, которые позволят ему осмыслить свое место в глобальном пространстве современности. Значительным фактором, влияющим на процесс кристаллизации аксиологии, является экспансия СМИ. Все это детерминирует изменения в природе коммуникационного акта «автор – адресат».

Многоканальный поток информации обуславливает трудности восприятия, в результате чего у рецептора формируется фрагментарный, дискретный образ мира, в том числе и «мира» литературы. Современная литература находится вне поля зрения читателя, который локализует пространство белорусской литературы именами классиков и медийных персон. И если представление об отечественной классике формируется на базе традиционных культурных установок, то образ современной литературы создается на основе дискурса, транслируемого СМИ, публицистического по своей природе, сопряженного с опорой на документ, принципиально доступного массовой аудитории, ориентированного на изменение ее сознания.

Анализ корпуса научных источников по теме [6] дает основание сделать вывод, что публицистика все еще находится в процессе поиска собственной идентичности. Исследователь П. П. Каминский отмечает, что «теоретические основания, используемые в современных концепциях публицистики, не дают полного представления о природе публицистики и публицистичности», и подчеркивает многоаспектный характер этого феномена, «не имеющего строго определенного предмета» и способного «потенциально охватывать все явления действительности» [7]. Это позволяет по-новому осмыслить взаимосвязи, сложившиеся и продолжающиеся складываться между публицистикой и литературой.

Публицистичность как содержательно-формальная составляющая произведений второй половины XX – начала XXI в.

Несмотря на то что художественность и публицистичность традиционно позиционируются как полярные аспекты творчества, публицистичность, находящаяся у истоков литературы (древнерусская литература), скорее объективное свойство словесности, усиливающееся в переломные моменты истории, в периоды культурных сдвигов, каким, несомненно, является рубеж XX–XXI вв.

Начиная с первой половины XX в. публицистичность осознавалась как «тип социального поведения в литературе» (М. Горький). Так, большинство отечественных и российских писателей оставили значительное публицистическое наследие, которое, однако, исследуется либо как вторичное по отношению к художественному творчеству (это касается прежде всего классиков литературы), либо как вспомогательный материал для текстологического изучения произведений писателя.

Со второй половины XX в. публицистичность трансформируется в автономную коммуникативную практику. Подобная трансформация может быть объяснена стратегическими изменениями поэтики словесного искусства: на смену «поэтике автора» приходит «поэтика читателя», которого необходимо завоевывать способами и средствами, соответствующими изменившемуся духу и темпу времени.

Современная эпоха принадлежит к тем культурным периодам, которые апеллируют к публицистичности как способу освоения мира и установления коммуникации с читателем. Об этом свидетельствует корпус текстов, в которых репрезентируется публицистичность на разных уровнях – от формально-содержательного приема до дискурсивной стратегии.

Почвой для активизации публицистичности стал мировоззренческий перелом, произошедший в 1980-е гг., на десятилетия сместивший фокус словесного искусства в сторону документальности, которая является органичной частью публицистического дискурса. В развитии публицистического начала как способа постижения мира существенную роль сыграла специфика тематики, доминирующей в указанный период. Это тематика историко-культурного плана, которая обуславливается изменением координат жизни человека (в отличие от онтологической тематики, например, развивающейся вне «законов» исторического времени). Кроме того, парадигматический кризис 1980–1990-х гг. обусловил активизацию тем, связанных с феноменами авторской жизни.

Особую роль публицистичность сыграла в произведениях 1980–1990-х гг., в которых осмыслена тема Великой Отечественной войны: «Я з вогненнай вёскі» А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника, «Хатынская аповесць» и антивоенная публицистика А. Адамовича, «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина. Публицистичность как прямое авторское высказывание реализовала себя в перечисленных произведениях в рамках художественно-документальной прозы. Данное направление в литературе не связано исключительно с темой Великой Отечественной войны, но именно эта тема позволила проявиться публицистическому потенциалу творчества названных авторов.

Если в освоении военной темы публицистичность присутствовала на начальном (война как трагедия в жизни народа, человека) и завершающем этапах отражения, образуя композиционное «кольцо», то чернобыльская тема изначально реализовывалась именно в русле доминирующей стратегии публицистичности. Именно публицистичность способствовала тому, чтобы выделился такой проблемный вопрос, как «Чернобыль и власть» (особенно в произведениях А. Адамовича). Людмила Синькова пишет по этому поводу: «Для Белоруссии точкой отсчета нового времени сделался не 1985 и не 1989, а скорее 1986 год. И это, окрашенное Чернобылем время, оказалось настолько трагичным, что даже такие события, как распад СССР и появление новой формы белорусской государственности – суверенной Республики Беларусь 27 июля 1991 года –

примерно на десятилетие (во всяком случае, в литературе) попали в тень чернобыльской темы. Само понятие “Чернобыль” и в публицистическом, и в художественном осмыслении быстро превратилось в определенный концепт. Катастрофа на ЧАЭС сделалась символом зла, порожденного тоталитарной системой» [8]. Исследователь справедливо акцентирует внимание на дискурсивном характере этой темы: «Постсоветский аксиологический кризис наиболее адекватно осознавался в литературе Беларуси именно посредством популярной метафоры – “духовный Чернобыль”» [8].

«Духовный Чернобыль» стал своего рода экватором, поделившим функционирование современной литературы в плане соотношения художественности и публицистичности. С этого времени публицистичность начинает осознаваться не как осложняющий художественность произведения компонент, а как коммуникативная технология, востребованная самой жизнью.

Характерный симбиоз образовали публицистичность и лирический тип постижения жизни: в камерное, интимное повествование включаются публицистические фрагменты, которые в своей совокупности играют роль «расширителя» хронотопа. Такую функцию публицистичности репрезентируют произведения, объединенные проблемой историко-культурного осмысления опыта репрессий: «Мундштук и папка» Янки Брыля, «Сповідзь» Л. Гениуш, «Зона молчания» С. Граховского, «Повесть для себя» Б. Микулича.

Собственно публицистический корпус образовали произведения 1990–2000 гг., жанровая маркировка которых включает понятие «публицистика»: «Паміж сонцам і месяцам» И. Чигринова, «Сняцца сны аб Беларусі» Б. Саченко, «Журба ў стылі рэтра» Я. Сипакова.

Новое поколение «социально активных литераторов» (Л. Синькова): О. Бахаревиц («Малая медицинская энциклопедия Бахаревица», «Гамбургский счет Бахаревица»), А. Федоренко («Мяжа»), В. Мартинович («Мова»), другие – используют коммуникативный потенциал публицистичности с целью установления диалога с новым поколением читателей.

Под влиянием публицистического дискурса меняется конструкт литературы в сознании общества. Современный писатель стремится не столько изображать реальную действительность в художественных образах, сколько фиксировать ее, поэтому его тексты – своеобразные эксперименты на границе журналистской фактографии и художественной образности.

Привнесение в литературу социальных аспектов придает ей убедительность, объективность, злободневность. Такая словесность поднимает проблемы и работает с темами, которые наше общество до недавнего времени или не знало или не хотело знать (в этом отношении наиболее выразительный пример – творчество С. Алексиевич). Современная литература повышает уровень информированности нашего общества, делает более полными его знания о самом себе. Но вместе с тем такие тексты часто выглядят как радикальный литературный эксперимент, т. к. они разрушают традиционную оппозицию «высокое – низкое» и выходят за границы канонических жанровых категорий.

Новые тенденции и стратегии в современной литературе приводят к расширению национально-культурной картины мира посредством создания или трансформации лингвокультурологических концептов – сложных ментальных образований, характеризующихся многомерностью и способностью вербализоваться в слове. Так, традиционно в нашей лингвокультуре важнейшей составляющей концепта «Война» являлась константа «героизм». Для С. Алексиевич, а вслед за ней теперь и для всех белорусов, война – это прежде всего ее последствия (смерть, а также те события, которые приводят к смерти). Основываясь на страшной реалии Афганской войны – цинковых гробах, при-

меня метонимическую конструкцию, позволяющую соотносить разные плоскости, писательница создает объемный в своей онтологической составляющей образ «цинковых мальчиков», в котором соединены разные планы – от человеческого до материально-вещественного.

Скрытую (мягкую) форму публицистического дискурса репрезентирует творчество Владимира Степана, использующего стратегию эссе, в котором доминирует «личное» мнение автора. Однако его образы-концепты («Деревня» и «Город») также отчетливо узнаваемы, хотя и без агрессивной риторики дискурса С. Алексиевич.

Вариацией концепта «Деревня», также обусловленной историко-культурным контекстом, является образ «малой родины» в творчестве Г. Марчука. В цикле «Давыд-Гарадоцкія каноны» писатель апеллирует к сознанию аудитории при помощи публицистико-риторической «техники», которая призвана убедить читателя в истинности эмоций автора. Жанр, в котором созданы произведения данного цикла, назван автором «канон» неслучайно, т. к. актуализирует историко-культурную память читателя и побуждает его воспринимать авторское высказывание как верное, соответствующее духовно-культурной «норме».

Порожден историко-культурной ситуацией порубежья, поисками национальной самоидентичности образ «мовы» в одноименном романе В. Мартиновича. Отметим, что этот автор использует, в отличие от писателей старшего поколения, коммуникативные практики новейшего времени и современные способы и каналы коммуникации. К примеру, писатель-классик Янка Брыль также неоднократно обращался к теме национальной идентичности. Но именно В. Мартиновичу удалось создать текст, который является по своей сути провокативным дискурсом: авторские эмоции и чувства призваны вызвать аналогичное внутреннее состояние у адресата. Кроме того, многочисленные выступления и интервью В. Мартиновича, касающиеся функционирования современной литературы, выступают как дополнительный фактор, обеспечивающий внимание аудитории к его произведению.

В современном обществе идет процесс переоценки культурного наследия, мифологем и идеологем, существующих в сознании общества. Литература фиксирует этапы этого процесса и через обращение к классике. Так, О. Бахаревич создает собственный «гамбургский счет», имеющий отчетливый эмоционально-экспрессивный характер, свойственный публицистическому дискурсу. Характерно при этом, что идиома «гамбургский счет» означает подлинную систему ценностей, свободную от сиюминутных обстоятельств и корыстных интересов. В то же время, давая тексту название «Гамбургский счет Бахаревича», автор подчеркивает субъективность своей точки зрения, ибо предлагает аудитории новое знание, претендующее на статус истинного. Однако именно этот провокативный дискурс сегодня способен завоевать аудиторию, заставить ее осмысливать важнейшие явления социальной, культурной жизни. Публицистический дискурс, порождаемый историко-культурными феноменами, таким образом, является эффективным способом установления коммуникации с читателем.

Функционирование художественно-публицистических произведений в современном культурном пространстве

Такое положение характерно прежде всего для текстов современной художественной литературы, однако и для традиционного словесного искусства включение в массовые коммуникативные отношения также было актуальным. С этой целью автор интегрировал в структуру своего текста т. н. «отступления», которые расширяли коммуникативное поле художественного произведения. Иллюстрирует подобную коммуникативную стратегию уже классическая литература, например «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Война и мир» Л. Н. Толстой и т. д.

Однако традиционно литературоведение рассматривало данные структурные элементы как образования, свидетельствующие о своеобразии той или иной творческой индивидуальности, осложняющие модель текста.

В отечественной классической литературе подобные формы публицистического дискурса в творчестве автора также присутствуют. Так, Янка Брыль использует первый способ включения публицистического дискурса в структуру художественного текста в романе «Птушкі і гнёзды», второй доминирует преимущественно в его миниатюрах, формат которых органично реализуется в коммуникации «автор – массовая аудитория». В творчестве И. Шамякина конца XX в. («Сатанинский тур», «Злая зорка», «Поиски приюта», «Губернатор» и др.) публицистический дискурс проявляется в обращении писателя к фактам современной действительности, которые в аксиологическом поле аудитории предстают как злободневные.

В современной литературе публицистический дискурс актуализирует поведенческие стратегии субъектов коммуникативного акта «автор – читатель», побуждая их активно взаимодействовать в новых форматах. Иллюстрацией данного тезиса служит творчество В. Мартиновича, статус которого в отечественной словесности до сих пор не определен. Одни критики называют его «главной надеждой белорусской литературы» (Н. Бабина), другие (Т. Чернякевич) скептически относят к «рыночной» литературе. Однако фактом является то, что писатель активно присутствует в современном литературном пространстве, о чем свидетельствуют тиражи его произведений, а также практически постоянное нахождение автора в интернет-пространстве (через интервью, видеолекции, блоги и т. д.).

Структура его романа «Мова» организована как публицистический дискурс, хотя имеет все «внешние» признаки собственно художественного произведения. «Мова» – фантастический роман («лингвистический боевик», по определению автора), в котором рисуются утопические картины действительности. В ней особую роль играет язык, который реализуется в ряде материализованных и духовных образов, образующих поле концепта «мова». Этот концепт становится ядром художественного повествования, полем притяжения всех персонажей, основой фабульной линии и сюжетных поворотов, а также демонстрирует стратегию авторского дискурса.

Выбор в качестве названия (и в русско- и в белорусскоязычных версиях) слова «Мова» имеет концептуальный характер, что неоднократно подчеркивал сам автор: «Названием книги принципиально было выбрано слово “мова”, которое для каждого белоруса сегодня, в 2014, является сильным, этически заряженным маркером: тех, кто ровно дышит к “мове”, в обществе нет совсем» [9]. Кроме того, рядом с этим «маркером» находится его «аналог» – китайские иероглифы, которые читаются как «Мо» и «Ва» и обозначают слова «чернила» и «черепица» соответственно.

Заголовочный комплекс – сильная позиция в тексте любой природы, т. к. это своеобразный авторский манифест, постигать сущность которого должен читатель в процессе знакомства с текстом. В романе «Мова» – также манифест, имеющий отчетливо публицистическую природу, о чем свидетельствует и выше процитированное высказывание автора. Кроме того, Мартинович прогнозирует расширение поля концепта «мова» в коммуникативное пространство аудитории не только в духовном, но и материальном направлениях: «Предвижу татухи с изображением “моўных” иероглифов, street art с изображениями “ў”, перфомансы на площади Мертвых и появление проводников по невидимом пока минском Чайнатауне» [9]. Прозаик и не скрывает, что творит «новую мифологию» – это также согласуется с природой публицистического дискурса.

О том, что роман «Мова» находится в поле публицистического дискурса, свидетельствует не столько его бытование на двух языках (русско- и белорусскоязычная версии), потому что подобный формат достаточно традиционен в белорусской литературе

(проза В. Быкова, Янки Брыля, А. Адамовича и др.), сколько мотивация очевидно публицистической природы – стремление автора «достучаться» (В. Мартинович), донести свою интенцию аудитории (и русско- и белорусскоязычной). Мартинович как писатель нового коммуникативного порядка не полагается на время («чакаць, пакуль яны (читатели. – Л. С.) прачнуцца»), он включается в коммуникативную ситуацию двуязычия, поскольку осознает ее данность в современной ему действительности («будзіць іх, спрабаваць дагрукацца на той мове, якую яны пакуль лічаць “сваёй”») [10].

В структуре романа «Мова» публицистический дискурс реализуется через интертекстуальный ряд, поскольку смысловое наполнение центрального образа-концепта дается в субъективно-авторском ключе, полемичный характер которого также задан автором. Это еще одна интенция, «пробуждающая» рецепцию читателя, заставляющая его включиться в диалог с автором. Таким образом, роман «Мова» В. Мартиновича демонстрирует разнообразные формы функционирования публицистического дискурса в структуре художественного текста – как традиционные для отечественной словесности, так и новые, обусловленные изменением коммуникации «автор – читатель».

Влияние публицистического дискурса на литературные репутации и иерархии современной словесности

Проблема литературных иерархий и репутаций является следствием специфики функционирования литературы в пространстве современной культуры, характеризующейся динамизмом, мозаичностью, мифологизированностью, открытостью, дискретностью коммуникации. Литература как часть такой культуры органично реагирует на эти изменения, обуславливающие специфику ее функционирования, показателем которого выступают литературные иерархии и репутации. Данное явление в литературоведении относится к числу актуальных вопросов как в теоретико-методологическом, так и в практическом направлениях. Понятия «литературный ряд» (С. И. Кормилов), «литературная вертикаль», «высокая классика», «беллетристика», «массовая литература» и др. выступают базовыми категориями, характеризующими процесс функционирования литературы. В то же время, отмечает В. Е. Хализев, «четкость и строгость разграничения названных в современном литературоведении отсутствует, понятия литературного “верха” и “низа” порождают нескончаемые разнотолки и споры. Но опыты выстраивания литературных фактов в некие иерархии предпринимаются весьма настойчиво» [11, с. 156]. Появляются и альтернативные точки зрения на сложившуюся систему литературных иерархий и репутаций («Гамбургскі рахунак Бахарэвіча», например). Все это свидетельствует о проблемном потенциале литературных иерархий и репутаций в современном культурном пространстве.

Исследователи отмечают, что «схема литературный “Верх” – “Низ”, бытовавшая в советском литературоведении, и схема литературный “Верх” – “Беллетристика” – “Низ”, упрочившаяся в отечественной теории литературы в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., заметно усложнились» [12]. Объясняется это тем, что современная литература развивается через восприятие читателей не по «вертикали», а по «горизонтали», при этом «горизонтальная» стратификация литературного процесса не отменяет «вертикальную». Таким образом, создается многослойный контекст функционирования современной художественной словесности.

Многослойность контекста порождает многослойность литературных иерархий и репутаций, когда каждый читатель в силу его вкусов и компетенций формирует собственную иерархию литературных деятелей современности, локализуя пространство отечественной словесности до «знакомых» или «знаковых» имен, перечень которых появляется из разных источников, в том числе и из интернет-среды, предоставляющей сегодня потенциально неисчерпаемые ресурсы для писателя или субъекта, считающего

себя таковым. Современный читатель зачастую вынужден доверять собственному вкусу в том числе и потому, что институт профессиональной критики сегодня также претерпел существенные изменения, о чем свидетельствует, например, дискуссия о критике, которую публиковал журнал «Неман» в 2013 г. Между тем потребность в профессиональной критике и использовании ею эффективных коммуникативных практик несомненна. В современной литературе сложилась ситуация, когда дискурс критика локализован специализированными журналами, не охватывающими в силу разных причин массовую читательскую аудиторию. В этих условиях функцию критика берут на себя прежде всего интернет-СМИ, которые предлагают читателям «топы» и «рейтинги» белорусских писателей. Анализ подобных рейтингов продемонстрировал, что в сознание читательской аудитории «внедряется» идея о тождестве понятий «успешный» и «продаваемый».

Результаты анкетирования, проведенного в рамках выполнения НИР «Публицистический дискурс как коммуникативная технология словесного искусства в современном белорусском обществе» [13], отражают особенности функционирования современной художественной, а также изменение коммуникативных «ролей» автора и читателя. Сегодня автору художественного текста чаще всего отводится роль рассказчика. Вместе с тем сохраняется относительно неизменной роль автора-публициста, который в современном обществе реализует «учительскую» миссию, закрепленную культурной традицией за классикой, что создает почву для трансформации устоявшихся литературных иерархий и репутаций.

Проблемно-тематическое и жанрово-стилевое своеобразие произведений современных белорусских прозаиков

Публицистический дискурс детерминирует актуализацию в словесном искусстве т. н. культурно-исторических тем. Существенной частью этого блока тем выступают явления исторического времени. В XX в. самым масштабным событием стала Великая Отечественная война, на долгие годы получившая в белорусской литературе статус «сверхтемы». Одной из новых граней в эстетическом освоении наследия Великой Отечественной войны является художественно-публицистическая литература.

Осмысление писателями событий Великой Отечественной войны в художественно-документальном ракурсе – знаковая страница нашей батальной литературы. Первый шаг в этом направлении сделан А. Адамовичем, Янкой Брылем и В. Колесником в книге «Я з вогненнай вёскі» (1975). Позже, в 1977–1981 гг. А. Адамович вместе с Д. Граниным напишут «Блокадную книгу», в которой будет воссоздана трагическая хроника блокады. В предисловии к «Блокадной книге» авторы обозначили целевую установку, отличную от традиционно присущей литературе. Спустя десятилетие С. Алексиевич почувствует ту же настоятельную необходимость дать «выговориться» участницам войны – тем, чей голос еще не звучал в литературе так яростно и так трагично, и создаст первую часть своей «утопии» «У войны не женское лицо».

В русле доминирующей стратегии публицистичности реализовалась тема чернобыльской катастрофы: «Апокалипсис по графику» А. Адамовича (1992), «Злая зорка» И. Шамякина (1993), «Краем белага шляху» В. Карамазова (1994) и др.

Отдельный блок культурно-исторической тематики в художественно-публицистической прозе второй половины XX – начале XXI в. составила тема репрессий: «Споведзь» Л. Гениуш, «Мундштук и папка» Я. Брыля, «Зона молчания» С. Граховского, «Повесть для себя» Б. Микулича, опубликованные в 1987–1991 гг.

Традиционно т. н. «лагерная проза» ассоциируется с русской литературой, прежде всего с новаторскими открытиями А. И. Солженицына, которые также имеют выразительный художественно-публицистический компонент. Однако белорусские авторы

предложили новый ракурс освоения этой темы: с одной стороны, более локализованный, поскольку сосредоточились на опыте собственной жизни; с другой – отчетливо персонифицированный, т. к. субъективный опыт воспоминаний соединился с общенародной трагической памятью о жертвах репрессий.

Тема репрессий, имея культурно-исторический характер, в то же время сопряжена с экзистенциальной составляющей тематики (феномены индивидуальной авторской жизни), при которой «художественное творчество выступает как самопознание, а в ряде случаев и в качестве акта сотворения художником собственной личности, как деятельность жизнотворческая» [11, с. 63].

Книги Б. Микулича, Л. Гениуш, С. Граховского, опубликованные через длительное время, формируют художественно-публицистический дискурс в границах современности, поскольку «воскресают» для читателя из небытия исторического времени. Но экзистенциальная тема может подаваться автором и внешне в более «мягкой» форме, вовлекая современника в творение ее дискурса. В этом плане показательна «маленькая сага» «Мундштук и папка» Янки Брыля, посвященная истории его брата и самопознанию самого автора, и роман-эссе «Мяжа» А. Федоренко.

В природе произведений Г. Марчука, О. Бахаревича, В. Мартиновича, А. Федоренко, А. Пашкевича 2000–2010 гг. публицистический дискурс выступает фактором формирования проблематики в гносеологическом ракурсе – как совокупности вопросов, ответы на которые не содержатся в имеющемся знании и поэтому требуют усилий для превращения незнания в знание. Причем эти «усилия» предпринимает как автор, так и читатель, которого побуждают включаться в гносеологический поиск. Для того чтобы читатель стал активным участником коммуникации, авторы и обращают его внимание на вопросы, касающиеся не столько бытия, сколько быта, повседневности, или, напротив, погружают читателя в пространство очень далекой действительности (прошлое или будущее).

Так, центральной проблемой художественно-публицистического дискурса дневника «Сладкие слезы» Г. Марчука и романа-эссе «Мяжа» А. Федоренко выступает проблема социальной детерминированности личности. Дискурс дневника – публицистический прием, который позволяет автору ставить перед читателем вопросы «взросления» человеческой личности и предлагать своеобразные варианты их решения на примере частной (авторской) биографии. А. Федоренко в романе «Мяжа» использует эссеистскую форму письма, что сближает дискурс этого романа с предыдущим текстом и на уровне организации повествования.

Проблема свободы (страны, народа, личности) – центральная в романе-документе «Пляц волі» А. Пашкевича и романе «Мова» В. Мартиновича. А. Пашкевич обращается к истории становления БНР, использует характерные для художественной публицистики ресурсы (цитаты из документов, ссылки на архивы, старые публикации), провоцируя в сознании аудитории стремление «проверить» предлагаемую информацию, соотнести ее с собственным культурным опытом. Сходную коммуникативную стратегию использует В. Мартинович в романе «Мова», но решает проблему свободы в пространстве несвободного общества далекого будущего. Проблематика этих произведений имеет исторический характер, однако обращена к современности, выступает как ее аллюзия.

Проблема литературных репутаций и иерархий организует пространство книг эссе «Малая медицинская энциклопедия Бахаревича» и «Гамбургский счет Бахаревича». Данная проблема решается писателем в эссеистской форме, которая призвана снизить полемичность авторских интенций.

«Жанровое мышление» (А. Н. Андреев) современного писателя подвергается мощному влиянию публицистического дискурса, который побуждает автора к поиску

форм, которые бы не только отразили ключевые параметры его духовной личности, но и помогли ему завоевать внимание читателя. Жанровая динамика творчества белорусских прозаиков второй половины XX – начала XXI в. демонстрирует тенденцию минимализации, которая проявляется в создании минимальных форм, в сокращении объема средних и малых (в традиционном понимании) форм, в дискретности структуры больших эпических текстов. В целом тенденция к минимализации жанра может быть осмыслена как влияние публицистического дискурса, императивная природа которого требует короткой, лаконичной формы.

Публицистический дискурс обуславливает также тенденцию к интеграции в жанровом пространстве произведения элементов других форм (роман-эссе, роман-документ и др.), что, с одной стороны, детерминировано стремлением авторов реализовать эффективную коммуникацию с читателем, с другой – вызвано общими для современной словесности процессами жанровой конвергенции.

Заключение

Структура современного художественного текста обусловлена закономерностями как художественности, так и публицистичности, других видов творческой деятельности (журналистика, социология, культурология). Открытое коммуникативное пространство предлагает писателю новые вызовы, побуждает включаться в новые коммуникативные отношения, обусловленные спецификой медиасреды с ее гипертекстовой коммуникацией, нелинейными связями.

Своеобразие функционирования художественного произведения в современном культурном пространстве обусловлено трансформацией топика духовного, влиянием современных средств массовой коммуникации, ментальными факторами. Публицистический дискурс в современной белорусской литературе в целом и прозе в частности играет роль коммуникативной технологии, позволяющей автору эффективно реализовать коммуникацию с читателем.

Под влиянием публицистического дискурса формируется персонифицированный образ времени и личности, осознающей себя, однако в границах надындивидуальных и надысторических. Белорусские авторы, стремясь найти ответы на глобальные вопросы, связанные с постижением места человека в семье, обществе, стране, мире, Вселенной, локализуют создаваемый мирообраз рамками малой родины, истории частной жизни, историческим периодом конкретной или выдуманной страны, национальной литературной традиции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Страшнов, Г. С. Коммуникативные практики в современной литературе [Электронный ресурс] / Г. С. Страшнов. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-praktiki-v-sovremennoy-literature>. – Дата доступа: 25.01.2019.
2. Сидорова, А. Г. Коммуникативные стратегии и культурные практики в поле литературы / А. Г. Сидорова. – Барнаул : АлтГТУ, 2009. – 214 с.
3. Шуников, В. Л. Коммуникативные стратегии «Я»-нарратива (на материале произведений современной русской литературы) [Электронный ресурс] / В. Л. Шуников. – Режим доступа: <http://psibook.com/literatura/kommunikativnye-strategii-ya-narrativa-na-materiale-proizvedeniy-sovremennoy-russkoy-literatury.html>. – Дата доступа: 25.01.2018.
4. Брызгалова, Е. Н. Коммуникативные стратегии в современной массовой литературе [Электронный ресурс] / Е. Н. Брызгалова. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-v-sovremennoy-massovoy-literature>. – Дата доступа: 25.01.2019.

5. Дацюк, С. Коммуникационные стратегии [Электронный ресурс] / С. Дацюк. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751>. – Дата доступа: 25.01.2019.

6. Публицистика в современном обществе : материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (трагедия публицистики в информационном обществе)», Санкт-Петербург, 14 нояб. 2013 г. / С.-Петерб. гос. ун-т ; отв. ред. Б. Я. Мисонжников. – СПб. : Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций, 2014. – 227 с.

7. Каминский, П. П. Принципы исследования публицистики на современном этапе [Электронный ресурс] / П. П. Каминский. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiyu-issledovaniya-publitsistiki-na-sovremennom-etape>. – Дата доступа: 25.01.2019.

8. Синькова, Л. Доминанты европейского художественного мышления в белорусской послесоветской литературе [Электронный ресурс] / Л. Синькова. – Режим доступа: <http://lsinkova.by/>. – Дата доступа: 05.06.2016.

9. Виктор Мартинович выпускает новый роман – «Мова» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/gubrics/culture/2014/09/10/ic_articles_117_186-663. – Дата доступа: 11.09.2017.

10. Лингвистический боевик Виктора Мартиновича «Мова» появился в продаже : беседала О. Гарапучик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nn.by/?c=ar&i=134719&lang=ru>. – Дата доступа: 11.09.2017.

11. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2002. – 437 с.

12. Лицарева, К. С. Проблема колебаний литературных иерархий и репутаций в современном литературном процессе [Электронный ресурс] / К. С. Лицарева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kolebaniy-ierarhiy-i-reputatsiy-v-sovremennom-literaturnom-protsesse>. – Дата доступа: 26.11.2017.

13. Скибицкая, Л. В. Литературные репутации и иерархии в современной отечественной словесности: публицистический дискурс СМИ в формировании иерархий и репутаций современной литературы / Л. В. Скибицкая, А. С. Попов // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Л. А. Годуйко [и др.] ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест, 2018. – Ч. 1. – С. 225–229.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.07.2019

Skibitskaya L. V. Communicative Potential of Publicistic Discourse in the Belarusian Prose of the Second Half of the 20th and the Early 21st Centuries

Publicistic discourse is defined as a communicative technology of literary art. The article reveals that stages of publicistic activization in the literary process are related to moments of historical and cultural «shifts». It is proved that the modern era in literary art belongs to those cultural periods that appeal to publicism as a way to explore the world and establish communication with the reader. The Belarusian prose works, whose form and content are influenced by publicism are analyzed in the article.